

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ЭВФЕМИЗМЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ю.С. Арсентьева, Р.Р. Замалетдинов

Аннотация. В статье впервые проводится сопоставительный анализ национально-культурных особенностей русских и английских фразеологизмов-эвфемизмов социально-политической сферы. Целью исследования является выявление специфики эвфемистической номинации социально-политических явлений, в том числе в военной сфере, обусловленной особенностями исторического развития и социального строя русскоязычной и англоязычных стран, с помощью фразеологических эвфемистических единиц. Выявлено, что фразео-семантическая группа фразеологизмов-эвфемизмов общественно-политической сферы характеризуется наибольшей степенью проявления национально-культурной специфики номинации реальных денотатов в обоих сопоставляемых языках, вследствие чего в основном представлена безэквивалентными русскими и английскими эвфемистическими единицами. Причина появления данных фразеологизмов-эвфемизмов вызвана необходимостью камуфляжа репрессивных или военных общественно порицаемых действий, для реализации чего служит эвфемистическая номинация подобных явлений. Фразеологизмы-эвфемизмы, обозначающие общественно-политические особенности жизни других стран, в том числе не англоговорящих, выявлены только в английском языке.

Ключевые слова: фразеологизм-эвфемизм, особенности эвфемистической номинации, общественно-политическая сфера, фразео-семантическая группа, национально-культурная специфика.

Для цитирования: Арсентьева Ю.С., Замалетдинов Р.Р. Фразеологизмы-эвфемизмы обозначения социально-политической сферы в русском и английском языках // Преподаватель XXI век. 2021. № 4. Часть 2. С. 330–337. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-4-330-337

330

PHRASEOLOGICAL EUPHEMISMS REFERRING TO THE SOCIAL
AND POLITICAL SPHERE IN RUSSIAN AND ENGLISH

Yu.S. Arsentyeva, R.R. Zamaletdinov

Abstract. The article is the first to make a comparative analysis of the national and cultural characteristics of Russian and English euphemisms of social and political sphere. The article aims to use phraseological euphemistic units to identify the specifics of euphemistic nomination of socio-political phenomena, including in the military sphere, conditioned by the features of historical development and social structure of the Russian and English-speaking countries. It has been revealed that the

© Арсентьева Ю.С., Замалетдинов Р.Р., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

phraseological-semantic group of euphemisms of the socio-political sphere is characterized by the greatest degree of national-cultural specificity of nomination of real denotations in both compared languages, due to which it is mainly represented by non-equivalent Russian and English euphemistic units. The reason for the appearance of these euphemistic units is caused by the need to camouflage repressive or military socially reprehensible actions, which is achieved through euphemistic nomination of such phenomena. Phraseological euphemisms denoting socio-political features of life in other countries, including non-English-speaking countries, have been identified only in English.

Keywords: *phraseological euphemism, peculiarities of euphemistic nomination, social and political sphere, phraseo-semantic group, national and cultural specificity.*

Cite as: Arsenyeva Yu.S., Zamaletdinov R.R. Phraseological Euphemisms Referring to the Social and Political Sphere in Russian and English. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2021, No. 4, part 2, pp. 330–337. DOI: 10.31862/2073-9613-2021-4-330-337

Фразеологизмы-эвфемизмы относятся к сложным языковым единствам, объединяющим характерные особенности как фразеологических, так и эвфемистических единиц. Характерными фразеологическими свойствами фразеологизмов-эвфемизмов являются: переосмысленность значения, раздельнооформленность, стабильность (лексическая и грамматическая) с возможностью контекстуальных трансформаций, образность и высокая значимость коннотации в структуре их фразеологического значения. Отнесенность данных единиц к эвфемизмам определяется тем фактом, что они являются единицами косвенной номинации, главной целью создания которых является смягчение и вуалирование табуированных или социально и морально порицаемых реальных денотатов.

К отличительным особенностям фразеологического значения фразеологизмов-эвфемизмов относятся: эвфемистическая, завуалированная, смягчающая номинация социально или морально неприемлемых, порицаемых или табуированных внеязыковых, реальных денотатов, характеризующихся выраженной пейоративной оценкой. В качестве главной причины смягчения и вуалирования сигнификативно-

денотативного компонента значения фразеологических эвфемизмов выступает мотивирующий образ, лежащий в основе фразеологической и эвфемистической номинации [1].

В качестве основных источников отбора русских и английских фразеологизмов-эвфемизмов послужили: «Словарь эвфемизмов русского языка» [2], «Англо-русский фразеологический словарь» А.В. Кунина [3], «Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв.» под редакцией А.И. Федорова [4], «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [5], «Русско-английский фразеологический словарь» [6], “Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms” [7], “A Dictionary of Euphemisms” [8], “A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean” [9], “A Man about a Dog. Euphemisms and Other Examples of Verbal Squeamishness” [10].

Фразео-семантическая группа фразеологизмов-эвфемизмов общественно-политической сферы представлена языковыми единицами достаточно разнообразными по своей семантике. Общим началом, объединяющим их в одну группу, выступает их непосредственная связь с

человеком, вовлеченность именно человеческого фактора в процесс эвфемистической номинации.

Анализируемые нами эвфемистические выражения отнесены В.П. Москвиным к пятой из восьми групп единиц социальной сферы и обозначены как «Маскирующие эвфемизмы, которые в основном представлены эвфемизмами в политической и социальной сфере» [11]. Л.П. Крысин в главе коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)» выделяет семь сфер социальной жизни, в которых используются эвфемизмы [12]. В словаре Ю.С. Нимана и К.Г. Сильвера из одиннадцати представленных групп фразеологизмы-эвфемизмы общественно-политической сферы относятся к десятой (The Language of Government) и одиннадцатой (The Game of War) группам [7]. Два отдельных раздела тематического индекса «Словаря эвфемизмов» Р.У. Холдера представляют лексические и фразеологические единицы с общими значениями «Политика» (Politics) и «Война (военное дело)» (Warfare) [9].

332

Группа фразеологических эвфемизмов обозначения общественно-политической сферы, включая и военную, в основном является «детисцем» XX века и первых двух десятилетий XXI века. Необходимость использования завуалированных, переосмысленных номинаций в данных сферах объективной реальности обусловлена необходимостью камуфляжа репрессивных или военных действий, а также событий и действий, которые должны быть соответствующим образом завуалированы, скрыты от общественности как общественно порицаемые. Эвфемистические единицы как раз и служат для этой цели.

Несмотря на наличие ряда русско-английских фразеологических соответствий

в данной фразео-семантической группе, как, например, «пятая колонна» — “fifth column” со значением «предатели», «поддержка с воздуха» — “air support” со значением «сбрасывание бомб с целью помощи своим войскам», большинство фразеологизмов-эвфемизмов являются безэквивалентными единицами, поскольку появление данных единиц обусловлено особенностями политического и социального развития России и англоязычных стран (в ряде случаев и других европейских стран, если имело место заимствование), а также их вовлеченности в различные военные конфликты.

В русском языке данная группа эвфемистических единиц пополнялась в течение примерно столетия в результате эвфемизации вызывающих возмущение или репрессивных действий властей, а также событий в мире, требующих камуфлированного обозначения. Так появились эвфемизмы-советизмы «болезни роста» — «неудачи и промахи эпохи социализма», «вредный элемент» — «враг [об антисоветских людях, действующих в ущерб народному благу]», «пятый пункт» — фразеологические омонимы, употребляющиеся как вместо прямого наименования национальности, преимущественно о евреях, цыганах и кавказцах, так и вместо обозначения представителя еврейской национальности.

Ряд эвфемистических единиц общественно-политической сферы возникли для обозначения репрессивных действий во время «великой чистки», начиная с тридцатых годов XX века и далее. Так, вместо лексической единицы «расстрел» стали использоваться фразеологизмы-эвфемизмы «десять лет без права переписки» и «высшая мера социальной защиты». Первая эвфемистическая единица использовалась в формулировке приговора в 30-е – 50-е годы, вторая — в языке

юристов. Сам эвфемизм «великая чистка» означал «период государственного террора, обрушенного Сталиным на Советский Союз в 1935–1938 гг., известного на западе как «сталинские чистки» [2, с. 78–79].

Однако большинство русских фразеологизмов-эвфемизмов, относящихся к общественно-политической и военной сфере, возникает с целью камуфляжа военных событий и локальных войн в конце XX – начале XXI века. Так, локальная война получает несколько эвфемистических наименований: «антитеррористическая операция», «защита положений конституции», «меры государственного воздействия (принуждения) по разрешению кризиса», «мировотворческая акция (операция)». Военное нападение завуалировано обозначается как «жесткие меры», а разгул терроризма, имевший место в 70-х и 80-х годах XX века, — как ФЭ «нарушение социальной законности». Большой «вклад» в появление фразеологизмов-эвфемизмов внесла война в Афганистане и Чечне: «военный этап восстановления конституции» — «война», «восстановление действия конституции» — «о войне 90-х годов XX в. с Чеченской республикой», «исполнять интернациональный долг» — «воевать. О действиях интервенции», «выполнение конституционного долга» — «служба в местах боевых действий, на локальной войне», «дружеская помощь братскому афганскому народу».

Появление фразеологизмов-эвфемизмов также фиксируется и для обозначения других явлений социально-политической сферы. Так, особенности построения властной структуры в России находят свое отражение в эвфемистических единицах «вертикаль власти» и «властная вертикаль» — «жесткая система государственного управления». Вместо обозначения социального конфликта используется

смягченное выражение «гармонизация положения дел», а возвращение территорий именуется как «демаркация границы». С конца XX века используются фразеологизмы-эвфемизмы «адекватный ответ» — «агрессия, военное политическое вмешательство», «антиперестроечные элементы» — «политическая оппозиция», «войска специального назначения» — «войска для подавления внутреннего сопротивления в стране», «ангажированная пресса» — «купленная, несправедливая пресса».

Также наблюдается развитие значения у некоторых ФЭ данной группы. Так, например, выражение «международный терроризм» в результате развития семантики с начала XXI века приобретает значение «исламский терроризм, терроризм воинствующего ислама» [2, с. 193]. Автором «Словаря эвфемизмов русского языка» приводится интересный пример из «Российской газеты» за 2002 год с конкретизацией данного выражения: «...**Международный терроризм?** Вроде бы ни у кого из “союзников” такое определение не вызывает сомнений. Руководитель американской аналитической организации *Middle East Forum* Дэниел Пайпс порицает администрацию Буша за то, что она “предпочитает пользоваться эвфемизмом ‘**международный терроризм**’ вместо обозначения реального идейного противника”. Тот же упрек и России: подвергаясь нападкам мусульманских террористов, она, мол, тоже избегает “называть противника по имени”. Так кто же он, этот противник? Исламский терроризм... Все иные разновидности терроризма — ирландский, баскский, корсиканский и прочие — ограничены рамками отдельных государств или небольших регионов планеты» [2, с. 193].

В английском языке часть эвфемистических единиц отражают особенности

выборной системы или распределения должностей в англоязычных странах. Так, например, американизм “political engineering” (букв. *политическая технология*) обозначает использование правительственного патронажа для того, чтобы вызвать поддержку электората, а ФЭ “Potomac fever” (букв. *потомакская лихорадка*) характеризует желание быть избранным в Федеральное ведомство США. Эвфемистическое выражение, используемое в Британии “twin tracking”, (букв. *двойное отслеживание*) используется для обозначения должностей, дающих хороший доход, но не требующих труда, которые взаимно раздаются друг другу политиками, симпатизирующими друг другу и работающими в соседних администрациях (управлениях). Эвфемистическое обозначение в английском языке также находят отношения между белым и черным населением. Так, например, положение негров в странах, где большинство населения является белыми, вызвало к жизни фразеологизм-эвфемизм “minority group” (букв. *группа меньшинства*). В то же время современное состояние дел в США, в которых, согласно закону, на работу последними должны теперь принимать белых, отражено в эвфемистическом выражении “reverse discrimination” (букв. *обратная дискриминация*) — «отказ назначить на должность квалифицированного претендента только потому, что он белый».

Ряд английских фразеологизмов-эвфемизмов также связан с обозначением военных действий, в том числе и происшедших во Вьетнаме. Так, ФЭ “shell shock” (букв. *контузия*) означает «неспособность продолжать сражение». В словаре Р. Холдера дается уточнение: «Для многих в Первой мировой войне острый невроз, вызванный ужасом и опасностью, для других — оправдание, чтобы снова

не рисковать своей жизнью» [8, с. 332]. Американизм “acute environmental reaction” — «неспособность продолжать военные действия» возник во время войны во Вьетнаме и обозначает нервное заболевание, вызванное ужасами войны, а ФЭ “rural construction” (букв. *деревенская конструкция*) использовалось во Вьетнаме для обозначения охраны завоеванной территории. Неспровоцированное военное нападение без предупреждения получило эвфемистическое название “pre-emptive strike” (букв. *превентивный удар*), а вторжение вооруженных парашютистов обозначено как “pre-dawn vertical insertion” (букв. *предрассветное вертикальное введение*). К этой же группе относятся ФЭ “truth raid” (букв. *рейд правды*) — «разбрасывание листовок на врага», “target of opportunity” (букв. *цель возможности*) — «случайная бомбардировка», “unacceptable damage” (букв. *недопустимый ущерб*) — «такая степень ядерного разрушения, которая приводит к капитуляции». Последняя единица относится к ядерному жаргону, второй ФЭ относится к общей инструкции пилотам-бомбардировщикам во время второй мировой войны избавляться таким образом от груза бомб при невозможности достичь цели бомбардировки для безопасного возвращения [8, с. 369].

Часть английских эвфемистических единиц номинирует внеязыковые реалии, происходившие в других странах. В качестве первого примера приведем фразеологизм-эвфемизм “political and social order” (букв. *политический и социальный порядок*), обозначающий бразильскую версию известного автократического (тоталитарного) устройства, означающего внутренние репрессии. Подавление черных белыми в условиях апартеида в Южно-Африканской Республике отражено в эвфемистической единице “separate

development” (букв. *отдельное развитие*). Постепенное устранение не коммунистов из Венгерского коалиционного правительства как метод, используемый после второй мировой войны в Венгрии, легло в основу появления фразеологизма-эвфемизма “salami tactics” (букв. *тактики салями*). Колониальное правление британской империи, период ее доминирования на море и в международных отношениях получает название “рах Britannica” (букв. *британский мир*).

События, происходившие в Германии до и во время второй мировой войны, также нашли свое отражение в английских фразеологизмах-эвфемизмах. Так, например, ФЭ “dietary difficulties” (букв. *диетические трудности*) со значением «преграждение евреям доступа в Германский имперский флот (German Imperial Navy)» появился в результате камуфляжа антисемитской политики в Германии: евреям, не отрекающимся от своей веры, отказом в работе служило официальное вежливое извинение «трудности с питанием (пайком)». Завуалированный прототип выражения “people’s car” (букв. *машина людей, народа*) завуалированно скрывает способ финансирования нацистского перевооружения. В его основе лежит историческое событие, согласно которому любой немец, оплативший 75 марок со взносом не менее 5 марок в неделю, получал номер заказа машины, но ни один человек не получил машину [8, с. 277]. Заимствование из немецкого языка “final solution” (нем. Endlösung) (букв.

окончательное решение) со значением «убийство всех евреев» появилось в 1938 году, когда потерпела крах попытка правительства Германии отправить немецких евреев для колонизации Мадагаскара. Данная политика жестоко и систематично проводилась в 1941–1945 годах.

Итак, появление фразеологизмов-эвфемизмов общественно-политической и военной сферы, вызывается современными тенденциями развития реального денотата. Вполне понятно, что количество единиц данной группы будет достаточно активно пополняться вследствие необходимости завуалированной политики сокрытия от широкой общественности неприглядных политических и военных действий, а эвфемистическая функция является наиболее подходящей для данных целей. Фразеологизмы-эвфемизмы общественно-политической сферы характеризуются наибольшей степенью проявления национально-культурной специфики номинации реальных денотатов и в русском, и в английском языках. Названия репрессивных и военных действий, как правило, не имеют фразеологических соответствий в другом языке и отражают типичные для России и англоязычных стран процессы и этапы их исторического развития, не находящие эвфемистического наименования в другом сопоставляемом языке. Только в английском языке выделены фразеологизмы-эвфемизмы, обозначающие общественно-политические особенности жизни других стран, в том числе не англоговорящих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсентьева, Ю.С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 177 с.
2. Сенчикина, Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
3. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М.: Рус. язык, 1984. 944 с.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / под ред. А.И. Федорова. М.: Топикал, 1995. 608 с.

5. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.
6. Арсентьева, Е.Ф. Русско-английский фразеологический словарь. Казань: Хэтер, 1999. 318 с.
7. Neaman, J.S. and Silver, C.G. *Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms*. Expanded and Revised Edition. New York: Facts on File, 1990. 373 p.
8. Holder, R.W. *A Dictionary of Euphemisms*. New York: Oxford Univ. Press, 1995. 470 p.
9. Holder, R.W. *A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean*. New York: Oxford Univ. Press, 2007. 506 p.
10. Rees, N. *A Man about a Dog. Euphemisms and Other Examples of Verbal Squeamishness*. London: Harper Collins Publishers Ltd, 2006. 418 p.
11. Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: Ленанд., 2010. Изд. 4. 264 с.
12. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: «Языки русской культуры», 1996. С. 384–408.

REFERENCES

1. Arsentjeva, Yu.S. *Frazeologizmy-jevfemizmy v anglijskom i rusском iazykakh* [Phraseological Euphemisms in English and Russian languages]: PhD Dissertation (Philology). Kazan, 2012, 177 p. (in Russ.)
2. Senichkina, E.P. *Slovar jevfemizmov russkogo iazyka* [Dictionary of Euphemisms of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka, 2008, 464 p. (in Russ.)
3. Kunin, A.V. *Anglo-russkij frazeologičeskij slovar. 4-e izd.* [English-Russian Phraseological Dictionary. 4th ed.]. Moscow: Russkij yazyk, 1984, 944 p. (in Russ.)
4. *Frazeologičeskij slovar russkogo literaturnogo iazyka kontca XVIII – XX vv.* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the late XIII – XX Centuries], ed. by A.I. Fedorov. Moscow: Topikal, 1995, 608 p. (in Russ.)
5. *Frazeologičeskij slovar russkogo iazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language], ed. by A.I. Molotkov. Moscow: Russkij yazyk, 1986, 543 p. (in Russ.)
6. Arsenteva, E.F. *Russko-anglijskij frazeologičeskij slovar* [Russian-English Phraseological Dictionary]. Kazan: Heter, 1999, 318 p. (in Russ.)
7. Neaman, J.S. and Silver, C.G. *Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms*. Expanded and Revised Edition. New York: Facts on File, 1990, 373 p.
8. Holder, R.W. *A Dictionary of Euphemisms*. New York: Oxford Univ. Press, 1995, 470 p.
9. Holder, R.W. *A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean*. New York: Oxford Univ. Press, 2007, 506 p.
10. Rees, N. *A Man about a Dog. Euphemisms and Other Examples of Verbal Squeamishness*. London: Harper Collins Publishers Ltd, 2006, 418 p.
11. Moskvin, V.P. *Jevfemizmy v leksicheskoj sisteme sovremennogo russkogo iazyka* [Euphemisms in the Lexical System of the Modern Russian Language]. Moscow: Lenand, 2010, Ed. 4, 264 p. (in Russ.)
12. Krysin, L.P. *Jevfemizmy v sovremennoj russkoj reči* [Euphemisms in Modern Russian Speech]. In: *Russkij iazyk kontca XX stoletia (1985–1995)* [Russian Language of the Late Twentieth Century (1985–1995)]. Moscow: Iazyki russkoj kultury, 1996, pp. 384–408. (in Russ.)

Арсентьева Юлия Святославовна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра романско-германской филологии, Казанский федеральный университет, juliarenat251@gmail.com

Yulia S. Arsentyeva, PhD in Philology, Associate Professor, Romance and Germanic Philology Department, Kazan Federal University, juliarenat251@gmail.com

Замалетдинов Радиф Рифкатович, доктор филологических наук, профессор, директор, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский федеральный университет, sovet.rus16@gmail.com

Radif R. Zamaletdinov, ScD in Philology, Professor, Director, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University, sovet.rus16@gmail.com

Статья поступила в редакцию 12.10.2021. Принята к публикации 14.11.2021

The paper was submitted 12.10.2021. Accepted for publication 14.11.2021